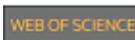

Корневский А. В. Польский вектор в политике Владимира Мономаха и его наследников : от Любечского съезда до «перемыславского кризиса»/ А. В. Корневский, Н. Д. Николаева // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 337—352. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-337-352.

Korenevskiy, A. V., Nikolaeva, N. D. (2020). Polish Vector in Politics of Vladimir Monomakh and His Heirs: from the Lyubech Congress to the “Pereyaslavl Crisis”. *Nauchnyi dialog*, 10: 337-352. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-337-352. (In Russ.).

УДК 94(47).027+94(438.11)“1125/1132”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-337-352

ПОЛЬСКИЙ ВЕКТОР В ПОЛИТИКЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И ЕГО НАСЛЕДНИКОВ: ОТ ЛЮБЕЧСКОГО СЪЕЗДА ДО «ПЕРЕЯСЛАВСКОГО КРИЗИСА»¹

© **Корневский Андрей Витальевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-0617-121X, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории средних веков и нового времени, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), koren@sfedu.ru.

© **Николаева Наталья Дмитриевна (2020)**, orcid.org/0000-0002-0841-3294, аспирант третьего года обучения Института истории и международных отношений, ассистент кафедры отечественной истории средних веков и нового времени, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), natp@sfedu.ru.

Рассматривается вопрос о системе русско-польского взаимодействия в период временной стабилизации политических отношений на Руси — от Любечского съезда (1097) до окончания киевского княжения Мстислава Великого (1125—1132). Авторами показано, что XII столетие представлено в историографии как время постепенного нарастания противоречий между двумя христианскими цивилизациями, как переходный период между Великой Схизмой 1054 года и IV крестовым походом (1202—1204). Предпринята попытка рассмотрения взаимоотношений Руси и Польши означенного периода вне телеологического подхода. Авторами представлены доказательства того, что тезис о религиозном факторе как о решающем в русско-польских взаимоотношениях не соответствует политическим реалиям 10—30 годов XII века. Показано, что именно идеологическая ориентация Владимира Мономаха на крестоносное движение и Священную Римскую империю делала невозможным союзные отношения Киева и Кракова в первой четверти XII века. Доказано, что единая политика Руси в отношении Польши отсутствовала; действия двух сторон носили ситуативный характер. Авторы приходят к выводу о том, что на Руси и в Польше конкурирующие политические группировки стремились к реализации собственных стратегий в отношении соседнего государства.

Ключевые слова: Русь; Польша; XII век; Владимир Мономах; западное христианство; «латинская» Европа; имперская идея; крестоносное движение.

1. «Долгий» XII век Восточной Европы в зеркале историографии и политической мифологии

Вряд ли можно найти сюжет, более подверженный конъюнктурной и ретроспективной мифологизации, чем взаимоотношения России и Запада: в сочинениях, порой мимикрирующих под академические тексты, с помощью ложно трактуемой

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90057.

истории фактически предпринимается оправдание конфронтации и ксенофобии. Речь идет об эксплуатации клишированного представления о взаимном восприятии России и Запада через призму негативной дихотомии «мы — они». Как известно, действенность подобных идентификаций определяется степенью исторической укорененности негативных представлений о «Другом» в коллективной памяти социума. Ключевую роль в данном процессе играет миф, призванный «гармонизировать картину мира» [Мелетинский, 2000, с. 170] и воспринимаемый как нечто «само собой разумеющееся» [Барт, 1989, с. 263]. Именно миф является наиболее эффективным инструментом конструирования самоидентификации через призму дихотомии «мы — они», и чем более долгую историю имеет подобное противопоставление, тем очевиднее оно кажется. Не менее важным фактором действительности мифа является его фокусировка на ключевых и рубежных событиях прошлого ввиду того, что они являются «местами памяти» [Нора, 1999, с. 17] — узловыми мнемоническими точками, структурирующими историческую память и поддерживающими ее функционирование.

Подобной переломной эпохой в процессе взаимного отчуждения двух, по выражению А. Дж. Тойнби, “*sister societies*” [Toynbee, 1953, p. 166] — цивилизаций, сформировавшихся под омофором Западного и Восточного христианства, — было XII столетие, которому предшествовали Великая схизма (1054 год) и начало крестового движения (1096 год) и за которым последовала трагедия IV крестового похода (1204 год). Эти события традиционно рассматриваются в историографии в качестве ключевых «точек невозврата» на пути от неуклонно нараставших межцерковных противоречий к цивилизационному расколу Христианского мира [Ле Гофф, 2005; Флоря, 2007].

Следует отметить, что ключевое положение в структуре мифа о вековой враждебности России и Запада занимают именно русско-польские отношения. Объясняется это не только географическим соседством двух народов, но и синхронностью формирования государственности, что обрекало обе молодые державы на соперничество. Однако этнокультурное родство их населения затрудняло политическое обособление от «Другого» и настоятельно требовало применения иного, более действенного средства консолидации, роль которого и сыграл зеркальный религиозный выбор в пользу конкурирующих версий христианства. Принятие Русью восточного христианства, чрезвычайно рано ставшего, по словам В. Мейдлина, ее «национальным критерием» [Medlin, 1952, p. 45], не в последнюю очередь было откликом на противоположный — в пользу Рима — выбор ее главного политического оппонента, сделанный двумя десятилетиями ранее. Но с другой стороны, не стоит сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что в эпоху раннего Средневековья среди славян достаточно долго сохранялось осознание этнокультурного родства (по словам Повести временных лет, «Словенский языкъ и Роуѣкийъ вдно есѣ») [ПСРЛ, т. 1, стб. 28]), неизбежно сглаживавшее политические и религиозные противоречия. По мнению многих историков, здесь долгое время существовала особая буферная зона между «ромейским» и «латинским» мирами Средневековья — так называемое «славянское христианство» (*Slavia Christiana*) [Водов, 1992, с. 14;

Живов, 2000, с. 600], где принадлежность к *Christianitas*, «общему европейскому универсуму» [Липатов, 2015, с. 89], ощущалась сильнее, чем межцерковные противоречия. Поэтому вопрос о времени и темпах цивилизационного размежевания в Восточной Европе отнюдь не столь прост, как это представляется авторам многих обобщающих работ. Соответственно, напрашивается предположение, что именно в польско-русских отношениях это взаимоналожение политических, религиозных и этнокультурных факторов проступало с наибольшей отчетливостью. Поэтому именно русско-польские отношения и именно в XII веке оказываются оптимальной фокусной точкой для понимания того, каков был результирующий вектор всех описанных выше разнонаправленных тенденций.

Однако пока указанный подход не нашел должного отражения в историографии русско-польских отношений. Несмотря на частоту упоминаний о событиях XII века, как правило, они представлены à propos — либо как некая «интермедия» между историческими эпохами, кажущимися историкам более достойными их интереса, либо попутно рассмотрению иных сюжетов. Первый случай наиболее типичен для отечественной историографии, традиционно сфокусированной на богатом славными деяниями XI века и на трагическом XIII столетии. Впрочем, и польские историки по сходным причинам не особо жалуют этот период. Второй подход наиболее характерен для сочинений, которые могут быть лишь условно названы историческими, а на самом деле принадлежат к тому жанру, который, вслед за У. Макниллом можно было бы назвать «мифисторией» [McNeill, 1986]. В них внимание авторов — как отечественных, так и польских — сконцентрировано на взаимных обидах и обвинениях «Другого» в извечной агрессивности, коварстве и лицемерии, что, по меткому замечанию А. Цуранович, может быть охарактеризовано как «синдром измены» [Цуранович, 2015, с. 338]. А поскольку отсчет этих обид ведется с киевского похода Болеслава 1018 года [Королюк, 1964, с. 237—241; Якунин, 2011, с. 68; Zakrzewski, 1925, s. 305], события XII века в рамках данного подхода служат лишь иллюстрацией тезиса о безальтернативности цивилизационного раскола Восточной Европы.

Но даже в работах, написанных в русле академической историографии, сказывается магнетическое воздействие указанной объяснительной схемы. Весь XII век мыслится как время, когда «антагонизм между двумя главными христианскими конфессиями, постепенно обостряясь, накладывал отпечаток на развитие отношений между разными частями христианского мира» [Флоря, 2007, с. 125]. Более того, когда историк меняет оптику и, обращаясь к конкретным фактам русско-польских отношений, обнаруживает нечто противоречащее данной концепции, это не приводит к ее пересмотру. При таком подходе любой конфликт между Польшей и Русью трактуется как подтверждение общего правила, а случаи, из него выпадающие, — как «казусы» или, если воспользоваться пушкинским выражением, «странные сближения» — исключения, самого правила не отменяющие. Однако число таких «странностей», запечатленных в источниках, таково, что впору поставить под вопрос методологическую корректность восходящего к Марксу ретроспективного подхода («Анатомия человека — ключ к пониманию анатомии обезьяны» [Маркс, 1958, с. 731]), по сути, являющегося телеологическим. Об опасности ретроспекции

справедливо писал М. Блок, подчеркивая, что историк должен смотреть на событие не из будущего, а из прошлого [Блок, 1986, с. 71]. Еще раньше об этом же размышлял авторитетный британский методолог А. Ф. Поллард. Ссылаясь на мнение своих великих предшественников Дж. Фруда и С. Гардинера, считавших, что историю следует писать, «как события, разворачивающиеся на глазах тех, кто наблюдал за ними», он вопрошал: «Можем ли мы быть честны по отношению к людям прошлого, зная то, чего они не могли знать? Можем ли мы вообще их понять — их действия или бездействие, их надежды и страхи, усилия и неудачи, — когда наше сознание обременено знанием результата?» [Pollard, 1920, p. 29].

Таким образом, мы видим свою цель в преодолении телеологической аберрации исторического зрения и осмыслении русско-польских отношений в XII веке без оглядки на то, что произошло значительно позже. При этом, разумеется, мы не имеем в виду «календарное» столетие. В современной историографии достаточно прочно прижились идеи неоднородности исторического времени и метафорического толкования понятия «век» — как особого периода, заключенного между ключевыми переломными событиями, и лишь отчасти соотносимого с календарным столетием («долгие» и «короткие» века). А. С. Щавелевым была высказана мысль о применимости концепта «долгого века» к XII столетию [Щавелев, 2013], однако предложенные им хронологические рамки этого периода — от эпохи Ярослава Мудрого до татаро-монгольского нашествия — представляются чрезмерно «долгими». Ставя под сомнение традиционное суждение о том, что именно крестовые походы сделали «непроходимым ров, разделявший Запад и Византию» [Ле Гофф, 2005, с. 84], мы не считаем возможным оспаривать рубежного характера самих событий — начала крестового движения в 1096 году и падения Константинополя в 1204 году. При этом исследования последних лет, подтвердившие высокую степень вовлеченности древнерусской властной элиты в политическую жизнь Европы [Назаренко, 2013; Raffensperger, 2012; Raffensperger, 2017], дают основание допустить определенную корреляцию между событиями в западной и восточной части континента. По крайней мере, к указанным датам хронологически достаточно близки события, без сомнения ставшие переломными для Руси — Любечский съезд (1097 год) и крах попытки реинтеграции русских земель, предпринятой Романом Галицким (1205 год). В соответствии с означенными кульминационными моментами в истории Руси «долгого» XII века наше внимание будет сосредоточено на двух эпохах. Первая эпоха — это время стабилизации политических отношений на Руси, когда действовали соглашения, достигнутые на Любечском съезде (период политической активности Владимира Мономаха, а также его сына и фактического соправителя Мстислава Великого). Вторая эпоха — это время кардинальных изменений ситуации в Киеве (от «перемыславского кризиса» 1132—1133 годов и утверждения в столице династии Ольговичей в 1139 году до полной потери Киевом статуса реальной политической столицы Руси, ставшей результатом перераспределения сил в русских землях в период правления Романа Галицкого (1199—1205).

Итак, попытаемся проследить за хитросплетениями русско-польских отношений в «долгом» XII столетии, задавшись вопросом: что превалировало в этих

связях — конфронтация или партнерство, насколько долговременными были в это период союзнические отношения и были ли они «странными сближениями»?

2. «Почто губим Русьскую землю?..» (1097—1113)

Анналы древнерусской истории обнаруживают любопытную закономерность: «польский фактор» возникает тотчас же, как только на горизонте политической жизни сгущаются грозные тучи. Так было после смерти Владимира Святославича и вновь повторилось, когда распался Триумvirат Ярославичей. В следующем акте политической драмы мы вновь видим западных соседей Руси, правда на первых парах — не на авансцене, а в тени кулис. Произошло это в тот самый судьбоносный момент, когда князя, искренне покаявшись в причиняемых родной земле страданиях («Почто губим Русьскую землю, сами на са котору дѣюще?..» [ПСРЛ, т. 1, стб. 256]) приняли решение разделить ее между собой («каждо да держитъ ѡтчину свою» [ПСРЛ, т. 1, стб. 257]), тем самым юридически ликвидировав единую государственность. Принеся друг другу клятвы твердо стать на защиту нового политического строя («да аще кто ѡселѣ на кого будет, то на того будем вси» [ПСРЛ, т. 1, стб. 257]), князья отправились восвояси, но еще не все успели вернуться домой, как нашлись охотники проверить действенность заключенных соглашений. Сразу же по окончании съезда возник конфликт между Давыдом Игоревичем Волынским, заручившимся негласной поддержкой великого князя Святополка, и Василько Ростиславичем Перемышльским, приведший к ослеплению последнего. Совершенное злодеяние, в свою очередь, спровоцировало целую цепь конфликтов, в которые оказались вовлечены поляки. В частности — в противостоянии между Давыдом Игоревичем и Святополком Изяславичем, якобы осознавшим, что стал жертвой манипуляции волынского князя и соучастником его преступления. Давыд Игоревич «иде в Лахы к Володиславу» [ПСРЛ, т. 1, стб. 269]) — польскому князю Владиславу I Герману за помощь в разрешении конфликта. За вознаграждение в 50 гривен золотом князь пообещал Давыду примирить его со Святополком. Однако вместо этого поляки вступили в переговоры с киевским князем и, «емлюще злато 8 Дѣда и 8 Стополка» [ПСРЛ, т. 1, стб. 269], вернулись в Польшу. Лишившись своего ненадежного союзника, Давыд отступил.

Почему соучастники ослепления Василька обратились именно к полякам? На сей счет могут быть как минимум два объяснения. Во-первых, следует учесть тесные связи киевского князя с Польшей. Святополк Изяславич был сыном Гертруды Мешковны и приходился двоюродным братом Болеславу II Смелому, дважды, в 1068 и 1077 годах, помогавшему его отцу вернуть киевский стол. Сестра Святополка стала женой краковского князя Мешко Болеславича, а позже он выдал свою дочь Сбыславу за Болеслава III Кривоустого. При этом данный matrimonial союз был неканоническим (родство в третьем колене), но ему обеими сторонами придавалось столь большое значение, что для этого, по свидетельству Галла Анонима, пришлось испрашивать разрешение папы римского [Галл Аноним, 1961, с. 84]. Во-вторых, как явствует из «Повести об ослеплении Василька Теревольского», Давыд, оправдывая совершенное преступление, пытался представить

Василька непримиримым врагом не только Святополка, но и поляков. При этом важно заметить, что если первую инвективу автор повести передает со слов Давыда (Василько якобы злоумышляет против Святополка и виновен в смерти его брата Ярополка), то речи о вражде к полякам звучат из уст самого теребовльского князя: «слышу вже ма хоче дати Лахо⁶ Двѣдъ» — жалуется тот Василию, автору повести, и тут же объясняет причину своих опасений: «азъ бо Лахо^м много зла твори^х и хотѣлъ ю[смы] створити и мстити Русьскѣи земли» [ПСРЛ, т. 1, стб. 266]. Мало этого, Василько прямо говорит, что вынашивал куда более амбициозные планы и делился ими с Давыдом: «помысли^х на землю Ладьскую наступлю на зиму и на лѣто и возму землю Ладьскую и мышо Русьскую землю» [ПСРЛ, т. 1, стб. 266]. Заметим, что автор повести нисколько не сомневается в правдивости слов Василька, да и летопись под 1092 год сообщает о каких-то совместных с половцами действиях теребовльского князя против поляков («в се же лѣто воєваша Половци Лахы с Василькомъ Ростиславичемъ» [ПСРЛ, т. 1, стб. 215]). При этом немаловажным является то, что данное произведение — одно из ключевых звеньев масштабной пропагандистской кампании Владимира Мономаха, направленной на укрепление его репутации главного защитника Руси и косвенно — на дискредитацию Святополка. Поэтому здесь, как и во всех других текстах, написанных самим Владимиром или под его контролем, положительному герою приписываются «патриотические» мотивы: Василько хочет не просто воевать с поляками, но преподносит это как месть за некие обиды, нанесенные «ляхами» Руси. А ведь последней крупной интервенцией поляков была поддержка отца киевского князя Святополка в 1077 году. Итак, общая картина выстраивается вполне определенная: Василько лоялен Владимиру Мономаху, твердо блюдет любечские договоренности, и при этом он — непримиримый враг поляков. Давыд, наоборот, нарушает данную клятву, проливает кровь собрата, но при этом лоялен Святополку и полякам.

Однако причины данного конфликта кроются не только и даже не столько в ориентации его участников на двух конкурирующих политических лидеров, сколько в том, что он стал проверкой на прочность доктрины, выдвинутой Владимиром Мономахом на Любечском съезде. Суть ее состояла в обеспечении эффективного военного взаимодействия княжеств в борьбе со Степью путем частичного отказа от лестничного права и перехода к конфедеративному политическому устройству на договорных началах. Но труднее всего было вписать в эти договорные отношения как раз таких князей, к числу которых относились Василько и Давыд. При всей незначительности политического веса каждого из них суммарно слой этих князей, которых по устоявшейся историографической традиции принято именовать «изгоями», представлял собой реальную угрозу планам Владимира Мономаха. Князья-изгои были, по выражению В. О. Ключевского, «отрезанными ломтями в княжеском роде», которым «старшие родичи выделяли из своей среды, давали им известные волости в постоянное владение и лишали их участия в общем родовом распорядке, выкидывали из очереди» [Ключевский, 1987, с. 194]. Разумеется, земли, данные изгоям из милости старшими родственниками, редко удовлетворяли их амбиции, а потому эти «генеалогические недоросли» постоянно искали способы округлить

свои владения, становясь главной и с каждым годом возрастающей угрозой политической стабильности на Руси.

Но поскольку волости, выделявшиеся изгоям, чаще всего находились на западных границах, это становилось проблемой не только для Руси, но и для Польши. Соответственно, ее правители рассчитывали, что киевский князь как верховный правитель Руси, выполнит союзнический долг и обуздает своих родичей. Однако у Владимира Мономаха было на сей счет иное мнение: ключевая идея любечских соглашений заключалась в том, чтобы во имя единства князей перед лицом Степи исключить любые конфликты между ними и переделы границ их владений. А в сравнении с этой стратегической целью отторжение земель западного соседа виделось не столь уж плохим вариантом. Но как раз это было неприемлемо для союзника поляков Святополка.

Таким образом, Давыд Игоревич, следовавший в фарватере политики киевского князя, но не погнушавшийся захватить земли соседа и пролить его кровь, предстал злодеем и клятвопреступником, тогда как в пользу его жертвы, Василька Тербовльского, говорило не только соблюдение любечских соглашений, но и походы на «ляхов», тем паче что преподносились они в столь выгодном Владимиру Мономаху идеологическом ключе — как «мщение» за Русь. Иными словами, конфликт волынского и тербовльского князей предстает локальной проекцией противостояния двух политиков общерусского масштаба — формального верховного правителя страны и того, чьей бледной тенью он постепенно становился. При этом едва ли не главным камнем преткновения в обоих этих конфликтах — и локальном, и общерусском — оказывается именно польский фактор, хотя в сравнении с половецким он и кажется, на первый взгляд, не столь очевидным.

Итак, действия Василька Тербовльского против Польши в полной мере соответствовали политическому курсу Владимира Мономаха, и это как будто бы вписывается в традиционную историографическую схему фатального и неуклонного нарастания конфронтации между «ромейским» и «латинским» мирами: русский князь — внук византийского императора, носящий его родовое прозвище, борясь за политическую гегемонию, целенаправленно натравливает своих сателлитов на государство, являющееся форпостом «Запада». Тем не менее обращение к конкретным фактам свидетельствует о прямо противоположной тенденции: на всем протяжении политической карьеры Владимира Мономаха его курс был не столько «про-», сколько «антивизантийским», а враждебность к Польше вовсе не мешала ему искать в «латинской» Европе союзников и усваивать западный политический опыт, применимый в русских условиях. Еще в 80-х годах прошлого века Б. А. Рыбаковым и А. Н. Сахаровым [Рыбаков, 1982; Сахаров, 2014] было обращено внимание на сходство организации и символики общерусской кампании против половцев 1111 года и крестовых походов. Позже А. Б. Головкин распространил это наблюдение и на все походы в Степь, предпринятые после Любечского съезда [Головкин, 2006, с. 318]. Обширная источниковая и фактологическая база была подведена под эти наблюдения исследованиями А. В. Назаренко и других историков [Малетко, 1993; Мамин, 2000; Назаренко, 2001], показавших широкую панораму контактов Руси с Западной Европой и Святой Землей в эпоху крестовых походов.

Обращение к программным текстам той эпохи — как древнерусским, так и западноевропейским — обнаруживает очевидные созвучия в восприятии и осмыслении их авторами политической ситуации. Как на Руси, так и на Западе политики и книжники обосновывали внешнеполитическую стратегию религиозными мотивами, но при этом теснейшим образом увязывали ее с внутренними проблемами. Хронист I крестового похода (1096—1099) Фульхерий Шартрский вкладывает в уста папы Урбана II восклицание: «О, какой позор, если бы столь отвратительное племя, служащее дьявольским силам, одолело бы народ, проникнутый верою во всемогущество божье и блистающий племенем Христовым» [Фульхерий Шартрский, 1977, с. 49], а Роберт Реймский так передает слова папы, обращенные к немецким рыцарям: «Пусть же прекратится меж вами ненависть, пусть смолкнет вражда, утихнут войны и уснут всяческие распри и раздоры. Становитесь на стезю святого гроба, исторгните землю эту у нечестивого народа» [Роберт Реймский, 1977, с. 52]. Насколько содержание и тональность этих призывов созвучны осуждению княжеских усобиц в древнерусских произведениях того же времени, и сколь сходно в них выражение идеи религиозного противостояния! Убежденность в греховности распри и богоугодности войны с «поганами» присутствует во всех произведениях, инициированных или написанных Владимиром Мономахом, а в летописной статье 1111 года идея провиденциального значения борьбы со Степью и непосредственного вмешательства в нее высших сил достигает апогея: «И падаху Половци предъ полкомъ Володимировомъ, невидимо бѣми ангѣльмъ, яко се видаху мнози члѣвци, и главы летаху невидимо стинаемы на землю» [ПСРЛ, т. 2, стб. 267—268].

Таким образом, в доктрине Владимира Мономаха четко просматриваются два взаимосвязанных вектора: в военно-политическом плане она нацелена на восток, тогда как в идейном — на запад. Более того, религиозный фактор здесь является едва ли не доминирующим, но отнюдь не в том смысле, в каком это традиционно представлено в историографии: он проявляется не в настороженности или враждебности к «латинской» Европе, а наоборот — в солидарности с ней в общехристианском деле борьбы с иноверцами. Однако каким образом соотносится с такой направленностью восприятие Польши — неотъемлемой части «латинской» Европы?

Пожалуй, нет никаких оснований говорить о едином политическом курсе Киевской Руси по отношению к Польше. По сути, речь может идти о двух стратегиях — великого князя киевского Святополка Изяславича (*de jure* — носителя верховной власти в стране) и Владимира Мономаха, *de facto* — общерусского военно-политического лидера, уже в силу этого обстоятельства являвшегося соперником Святополка. Ни тот, ни другой не сомневались в важности восточного направления внешней политики, но средства достижения этой цели и ее соотнесение с западным вектором они видели по-разному. Святополку в наследство от отца достались союзнические отношения с Польшей, и это ему виделось залогом спокойствия на западных границах в перспективе тяжелой борьбы на противоположном фронте. Соответственно, он готов был жестко действовать в отношении тех князей, которые провоцировали конфликты с Польшей. У Владимира Мономаха были иные приоритеты. Стремясь во имя консолидации князей для борьбы со Степью пресечь

усобицы, он не считал столь уж большим злом, если кто-то из них попытается расширить свои владения за счет Польши — лишь бы не нарушались любечские договоренности. Более того, подобное развитие событий сулило Владимиру Всеволодовичу свободу рук на половецком направлении, отвлекая Святополка на улаживание конфликтов, провоцируемых изгоями. Таким образом, объективно Владимиру была выгодна ситуация «управляемого хаоса» на западных границах, чем и объясняется его на первый взгляд не вполне последовательная политика в отношении князей-изгоев. Так, например, на съезде 1099 года. В Уветичах вслед за вполне ожидаемым наказанием Давыда Игоревича было решено, что Василько должен покинуть стол в Теревовле. Очевидно, это была своего рода ритуальная уступка Святополку, демонстрирующая готовность Владимира Мономаха и к компромиссам. Тем не менее, когда Василько отказался подчиниться этому решению, никаких карательных санкций не последовало. Таким образом, Владимир, дистанцируясь от действий теревовльского князя, одновременно сохранял главный дестабилизирующий фактор в русско-польском пограничье.

3. «Так будут последние первыми, и первые последними...» (1113—1139)

«Зарождение имперской идеи восходит к Киевской Руси» [Настасе, 1997, с. 260] — такого мнения придерживаются многие современные исследователи. При этом пик имперских амбиций неизменно связывают с именем Ярослава Мудрого, действия которого «определялись имперской идеей преемственности-вызова по отношению к Византии» [Свердлов, 2013, с. 20]. Свое наиболее полное выражение эта идея нашла в «Слове о Законе и Благодати» Илариона Киевского, представляющего развернутое истолкование применительно к Руси евангельской заповеди (Мф. 20, 16), вынесенной в заглавие данного параграфа. Историческую молодость Киевской державы Иларион представил как главное ее преимущество и оправдание «преемственности-вызова» по отношению к «старым народам», под коими развилась империя ромеев.

Владимир Мономах часто вдохновлялся примером Ярослава и подчеркивал свою особую связь с ним. В первой же фразе «Поучения» он заявляет, что наречен был «дѣдомъ своимъ Ярославомъ блгѣвлымъ славнымъ» [ПСРЛ, т. 1, стб. 240]. Равнение на этот пример обнаруживается и в амбициозной внешней политике Владимира Всеволодовича, особенно — в ее антивизантийской направленности, и во внутривизантийском курсе на искоренение усобиц. Однако Владимир умел мастерски обыгрывать не только явные параллели, но и аллюзии. Ярчайший тому пример — придание почитанию святых Бориса и Глеба значения официального государственного культа, что должно было напоминать современникам — наряду с осуждением братоубийства — об одноименности виновника гибели князей-мучеников и предшественника Владимира Всеволодовича на киевском столе. Точно так же равнение на имперскую идеологию Ярослава, выраженную в «Слове» Илариона, должно было неминуемо актуализировать запечатленное в ней самосознание «работников одиннадцатого часа» [Топоров, 1995, с. 261], что косвенно указывало и на Владимира Мономаха, по сути оправдывая его: ведь Владимира

Всеволодовича, занявшего великокняжеский престол вопреки «очередному порядку», также можно было отнести, в духе той же евангельской притчи, к «незванным, но призванным».

Этот же идейный контекст — имперский по своей сути — важен для понимания и всех прочих векторов политики Владимира Мономаха, в том числе и польского. После его вокняжения на киевском столе отношения с западным соседом поддерживались через волынского князя Ярослава, сына Святополка, женатого на сестре Болеслава III Кривоустого. В известном смысле это можно считать отголоском предшествующей политической ситуации. Но в 1117 году Владимир, проводя политику закрепления ключевых политических центров за своими сыновьями, смещает Ярослава Святополчича с волынского стола [Абуков, 2016, с. 10—11], и тот, как и следовало ожидать, «бѣжа из Володимера в Лахъ» [ПСРЛ, т. 1, стб. 292]. Впоследствии Ярослав попытался при помощи поляков вернуть себе отнятое княжество [ПСРЛ, т. 2, стб. 286]. В ответ в 1120 году Владимир Мономах отправил своего сына Андрея в поход на Польшу [ПСРЛ, т. 2, стб. 286]. Следующий виток конфронтации приходится на 1122 год, когда Петр Власт по заданию Болеслава III похитил перемышльского князя Володаря Ростиславича («яша Лахове Володаря Василкова брата» [ПСРЛ, т. 1, стб. 292]).

Указанные обстоятельства, позволили исследователям сделать вывод о пятилетнем (1118—1123 годы) конфликте между Киевом и Краковом. В. Т. Пашуто объяснял причину этих разногласий тем, что Владимир Мономах состоял в союзе с Кнудом Лавардом, сыном датского короля и герцогом Шлезвига, враждебным Польше [Пашуто, 2019, с. 168]. Начиная с В. Н. Татищева в историографии бытует тезис об эскалации конфликта между Владимиром Мономахом и Ярославом Святополчичем, поддерживаемым поляками [Татищев, 1963, с. 132]. В русле этой концепции А. В. Майоров справедливо указывает на ситуацию похищения Володаря Ростиславича поляками как на действия Польши, направленные против Владимира Всеволодовича. Условием его освобождения, по мнению исследователя, был отказ галицких князей от союза с Владимиром Всеволодовичем [Майоров, 2008, с. 78—96].

Ранее уже отмечалось, что в условиях фактического двоевластия Святополка Изяславича и Владимира Мономаха не существовало единого политического курса в отношении Польши, а были две конкурирующие стратегии — формального верховного правителя и фактического общерусского лидера. Но столь же справедливо обратное утверждение: не существовало и единой позиции Польши в отношении Руси: Болеслав III стремился сохранить союз с потомками Изяслава, что автоматически делало его противником Владимира Мономаха и Мономашичей. Кроме того, на западных рубежах врагами Болеслава были как раз те, в ком Владимир Всеволодович видел своих союзников. Главным конкурентом князя-принцепса внутри Польши был его сводный брат Збигнев, имевший поддержку со стороны Священной Римской империи, которую в силу данного обстоятельства Болеслав считал своим противником. Соответственно, в число врагов попадали и те западные соседи, которые были лояльны империи, в первую очередь — Дания, которая, помимо всего прочего, соперничала с Польшей за контроль над землями полабских славян.

Но именно на эти силы ориентировался Владимир Мономах в свое западной политике: проявляя интерес к опыту крестоносцев, он искал союза с империей, а с Данией Владимир Всеволодович был связан через свою жену Гиду, воспитанную при датском дворе. В этой связи показательна матримониальная политика Владимира и его фактического соправителя Мстислава. Старшая дочь последнего была еще в 1111 году выдана за норвежского короля Сигурда Крестоносца, причем, если верить современнику тех событий, английскому хронисту Ордерику Виталию, произошло это в Киеве, где Сигурд остановился по пути из Иерусалима [Литвина и др., 2006, с. 246—247]. Ее младшая сестра стала женой Кнута Лаварда — вассала императора Генриха V и непримиримого врага Болеслава III. Примечательно, что сын от этого брака был наречен в честь своего русского прадеда Вальдемаром.

Таким образом, на годы правления Владимира Мономаха и Мстислава Великого на Руси и Болеслава Кривоустого в Польше приходится период конфронтации между двумя странами, однако у этого противостояния не было ни религиозной, ни идеологической подоплеки. Она диктовалась исключительно ситуативными мотивами двух враждующих сторон — их пониманием *Realpolitik* и действием того непреложного закона политической логики, согласно которому «враг моего врага — мой друг», равно как и наоборот.

Источники и принятые сокращения

1. *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских / Галл Аноним. — Москва : Академия наук СССР, 1961. — 172 с.
2. ПСРЛ — *Полное собрание русских летописей*. — Ленинград : Академия наук СССР, 1926—1928. — Т. 1. Лаврентьевская летопись. — 379 с.
3. ПСРЛ — *Полное собрание русских летописей*. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — Т. 2. Ипатьевская летопись. — 648 с.
4. *Роберт Реймский*. Иерусалимская история // Заборов М. А. Крестовые походы в документах и материалах. — Москва : Высшая школа, 1977. — С. 50—54.
5. *Фульхерий Шартрский*. Иерусалимская история // Заборов М. А. Крестовые походы в документах и материалах. — Москва : Высшая школа, 1977. — С. 47—50.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абуков С. Н.* Брак Ярослава Святополчича с внучкой Владимира Мономаха и конфликт на Волыни в 1117—1123 годах / С. Н. Абуков // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — № 3 (72). — С. 9—14.
2. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.
3. *Блок М.* Апология истории, или ремесло историка / М. Блок. — Москва : Наука, 1986. — 256 с.
4. *Водов В. А.* Киевская Русь перед «греческим законом» и «римским законом» / В. А. Водов // Образование Древнерусского государства : спорные проблемы. — Москва : ИРИ РАН, 1992. — С. 13—15.
5. *Головко А. Б.* Славяне Восточной Европы и крестовые походы (XI — первая половина XIII в.) / А. Б. Головко // *Rossica antiqua* : исследования и материалы. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. — С. 314—330.

6. *Живов В. А.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси / В. А. Живов // Из истории русской культуры. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — Том 1. Древняя Русь. — С. 585—617.
7. *Ключевский В. О.* Курс русской истории / В. О. Ключевский. — В книге : *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 томах / В. О. Ключевский. — Москва : Мысль, 1987. — Том 1. — 430 с.
8. *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. / В. Д. Королюк. — Москва : Наука, 1964. — 383 с.
9. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 560 с.
10. *Липатов А. В.* Российско-польская история : и общая, и разделенная / А. В. Липатов // Россия и Польша: история общая и разобщенная. — Москва : Аспект Пресс, 2015. — С. 78—93.
11. *Литвина А. Ф.* Выбор имен у русских князей в X—XVI вв. Династическая история через призму антропонимики / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. — Москва : Индрик, 2006. — 904 с.
12. *Майоров А. В.* Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславича / А. В. Майоров // Древняя Русь: вопросы медиевистики. — 2008. — № 4 (34). — С. 78—96.
13. *Малето Е. В.* Русь между Востоком и Западом (история общественной мысли и культурных контактов XII—XV вв.): по материалам хождений : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. В. Малето. — Москва, 1993. — 17 с.
14. *Мамин В. А.* Русь и Запад / В. А. Мамин. — Калуга : Издательство Н. Бочкаревой, 2000. — 552 с.
15. *Маркс К.* Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов) / К. Маркс // Сочинения. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1958. — Том 12. — С. 709—738.
16. *Мелетинский Е.* Поэтика мифа / Е. Мелетинский. — Москва : Восточная литература РАН, 2000. — 407 с.
17. *Назаренко А. В.* «Слово на обновление десятинной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси / А. В. Назаренко. — Москва-Брюссель, 2013. — 224 с.
18. *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях / А. В. Назаренко. — Москва : Языки русской культуры, 2001. — 780 с.
19. *Настасе Д.* Заметки об имперской идее на Руси до 1453 г. / Д. Настасе // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. — Москва : ИРИ, 1997. — С. 252—265.
20. *Нора П.* Франция-память / П. Нора. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. — 325 с.
21. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. — Москва : Квадрига, 2019. — 496 с.
22. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь и русские княжества XII—XIII вв. / Б. А. Рыбаков. — Москва : Наука, 1982. — 590 с.
23. *Сахаров А. Н.* Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века / А. Н. Сахаров // История внешней политики России: конец XV—XVII век. — Москва : Директ-Медиа, 2014. — 99 с.
24. *Свердлов М. Б.* Имперские амбиции раннесредневековых государств (Польша и Русь в X—XI вв.) / М. Б. Свердлов // Международный журнал исследований культуры. — 2013. — № 2 (11). — С. 16—20.

25. *Татищев В. Н.* История Российская / В. Н. Татищев. — Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1963. — Том 2. — 354 с.
26. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. — Москва : Гнозис, 1995. — Том 1. — 874 с.
27. *Флоря Б. Н.* Исследования по истории церкви: древнерусское и славянское средневековье / Б. Н. Флоря. — Москва : Православная энциклопедия, 2007. — 528 с.
28. *Цуранович А.* Тяжелое бремя «синдрома измены»: фактор восприятия в польско-российских отношениях после 1991 г. / А. Цуранович // Россия и Польша. История общая и разобщенная. — Москва : Аспект Пресс, 2015. — С. 331—350.
29. *Щавелев А. С.* «Долгий XII век» Древней Руси / А. С. Щавелев // История. — 2012. — № 2 (10). — С. 10—11.
30. *Якунин В. И.* Российско-польские отношения в треугольнике : история, политика, наука / В. И. Якунин // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. — 2011. — С. 67—77.
31. *McNeill W. H.* Mythistory, or Truth, Myth, History, and Historians / W. H. McNeill // The American Historical Review. — 1986. — Vol. 91, № 1. — P. 1—10.
32. *Medlin W. K.* Moscow and East Rome. A Political Study of Church and State in Muscovite Russia / W. K. Medlin. — Genève : E. Droz, 1952. — 252 p.
33. *Pollard A. F.* Historical Criticism / A. F. Pollard // History. The Journal of the Historical Association. — 1920. — Vol. 5, Issue 17 (April). — P. 21—29.
34. *Raffensperger C.* Reimagining Europe : Kievan Rus' in the Medieval World / C. Raffensperger. — Cambridge, Mas., London : Harvard University Studies, — 2012. — 329 p.
35. *Raffensperger C.* The Kingdom of Rus' / C. Raffensperger. — Amsterdam : ARC humanities press, 2017. — 92 p.
36. *Toynbee A. J.* Russia's Byzantine Heritage / A. J. Toynbee // Civilization on Trial. — New York : Oxford University Press, 1953. — P. 164—183.
37. *Zakrzewski S.* Boleslaw Chrobry-Wielki / S. Zakrzewski. — Lwow: Zaklad Narodowej umienia Ossolinskich, 1925. — 439 s.

POLISH VECTOR IN POLITICS OF VLADIMIR MONOMAKH AND HIS HEIRS: FROM THE LYUBECH CONGRESS TO THE “PEREYASLAVL CRISIS”¹

© **Andrey V. Korenevskiy (2020)**, orcid.org/0000-0002-0617-121X, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), koren@sfedu.ru.

© **Natalia D. Nikolaeva (2020)**, orcid.org/0000-0002-0841-3294, postgraduate student, Institute of History and International Relations, assistant, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), natp@sfedu.ru.

The question of the system of Russian-Polish interaction during the period of temporary stabilization of political relations in Russia - from the Lyubech Congress (1097) to the end of the Kiev reign of Mstislav the Great (1125-1132) is considered in the article. The authors show that the 12th century is presented in historiography as a time of gradual growth of contradictions between two Christian civilizations, as a transitional period between the Great Schism of 1054 and the IV Crusade (1202-1204). An attempt is made to consider the relationship between Russia and Poland of the indicated period outside the teleological approach. The authors provide evidence that the thesis of the religious

1 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-39-90057

factor as decisive in Russian-Polish relations does not correspond to the political realities of the 10-30s of the XII century. It is shown that it was the ideological orientation of Vladimir Monomakh towards the crusading movement and the Holy Roman Empire that made it impossible for allied relations between Kiev and Krakow in the first quarter of the 12th century. It has been proved that there was no single policy of Rus towards Poland; the actions of the two sides were situational. The authors come to the conclusion that in Russia and Poland, competing political groups sought to implement their own strategies in relation to the neighboring state.

Key words: Rus; Poland; XII century; Vladimir Monomakh; Western Christianity; Latin Europe; imperial idea; crusading movement.

MATERIAL RESOURCES

- Fulkheriy Shartskiy. Ierusalimskaya istoriya [Fulcherius of Chartres. Jerusalem story]. (1977). In: Zaborov, M. A. *Krestovyye pokhody v dokumentakh i materialakh* [Crusades in documents and materials]. Moskva: Vysshaya shkola. 47—50. (In Russ.).
- Gall Anonim. (1961). *Khronika i deyaniya knyazey ili praviteley polskikh* [Chronicle and deeds of princes or rulers of Poland]. Moskva: Akademiya nauk SSSR. 172 p. (In Russ.).
- PSRL — *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, 1. Lavrentevskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles, 1. Laurentian Chronicle]. (1926—1928). Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 379 p. (In Russ.).
- PSRL — *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, 2. Ipatevskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles, 2. The Ipatiev Chronicle]. (1998). Moskva: Yazyki russkoy kultury. 648 p. (In Russ.).
- Robert Reymyskiy. Ierusalimskaya istoriya [Robert Reimsky. Jerusalem story]. (1977). In: Zaborov, M. A. *Krestovyye pokhody v dokumentakh i materialakh* [Zaborov M. A. Crusades in documents and materials]. Moskva: Vysshaya shkola. 50—54. (In Russ.).

REFERENCES

- Abukov, S. N. (2016). Brak Yaroslava Svyatopolchicha s vnuchkoy Vladimira Monomakha i konflikt na Volyni v 1117—1123 godakh [The marriage of Yaroslav Svyatopolchich with the granddaughter of Vladimir Monomakh and the conflict in Volyn in 1117—1123]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki* [Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences], 3 (72): 9—14. (In Russ.).
- Bart, R. (1989). *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moskva: Progress. 616 p. (In Russ.).
- Blok, M. (1986). *Apologiya istorii, ili remeslo istorika* [Apology of history, or the craft of the historian]. Moskva: Nauka. 256 p. (In Russ.).
- Florya, B. N. (2007). *Issledovaniya po istorii tserkvi: drevnerusskoye i slavyanskoye srednevekove* [Research in Church History: Old Russian and Slavic Middle Ages]. Moskva: Pravoslavnyaya entsiklopediya. 528 p. (In Russ.).
- Golovko, A. B. (2006). Slavyane Vostochnoy Evropy i krestovyye pokhody (XI — pervaya polovina XIII v.) [Slavs of Eastern Europe and the Crusades (XI — first half of the XIII century)]. In: *Rossica antiqua: issledovaniya i materialy* [Rossica antiqua: research and materials]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 314—330. (In Russ.).
- Klyuchevskiy, V. O. (1987). Kurs russkoy istorii [Russian history course]. In: Klyuchevskiy, V. O. *Sochineniya* [Essays], 9/1. Moskva: Mysl'. 430 p. (In Russ.).
- Korolyuk, V. D. (1964). *Zapadnyye slavyane i Kievskaya Rus' v X—XI vv.* [Western Slavs and Kievan Rus in the X—XI centuries]. Moskva: Nauka. 383 p. (In Russ.).

- Le Goff, Zh. (2005). *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [The civilization of the medieval West]. Ekaterinburg: U-Faktoriya. 560 p. (In Russ.).
- Lipatov, A. V. (2015). Rossiysko-polskaya istoriya: i obshchaya, i razdelenennaya [Russian-Polish history: both common and divided]. In: *Rossiya i Polsha: istoriya obshchaya i razobshchennaya* [Russia and Poland: a common and divided history]. Moskva: Aspekt Press. 78—93. (In Russ.).
- Litvina, A. F., Uspenskiy, F. B. (2006). *Vybor imen u russkikh knyazey v X—XVI vv. Dinasticheskaya istoriya cherez prizmu antroponimiki* [The choice of names among Russian princes in the X—XVI centuries. Dynastic history through the prism of anthroponymy]. Moskva: Indrik. 904 p. (In Russ.).
- Maleto, E. V. (1993). *Rus' mezhdru Vostokom i Zapadom (istoriya obshchestvennoy mysli i kulturnykh kontaktov XII—XV vv.): po materialam khozheniy*: author's abstract of PhD Diss. [Russia between East and West (history of social thought and cultural contacts of the 12th—15th centuries): based on materials of walks. author's abstract of PhD Diss.]. Moskva. 17 p. (In Russ.).
- Mamin, V. A. (2000). *Rus' i Zapad* [Russia and the West]. Kaluga: Izdatelstvo N. Bochkarevov. 552 p. (In Russ.).
- Marks, K. (1958). Vvedeniye (iz ekonomicheskikh rukopisey 1857—1858 godov) [Introduction (from Economic Manuscripts 1857—1858)]. In: *Sochineniya* [Essays], 12. Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury. 709—738. (In Russ.).
- Mayorov, A. V. (2008). Iz istorii vneshney politiki Galitsko-Volynskoy Rusi vremen Romana Mstislavicha [From the history of foreign policy of Galicia-Volyn Rus during the time of Roman Mstislavich]. *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki* [Ancient Russia: Issues of Medieval Studies], 4 (34): 78—96. (In Russ.).
- McNeill, W. H. (1986). Mythistory, or Truth, Myth, History, and Historians. *The American Historical Review*, 91/1: 1—10.
- Medlin, W. K. (1952.). *Moscow and East Rome. A Political Study of Church and State in Muscovite Russia*. Genève: E. Droz. 252 p.
- Meletinskiy, E. (2000). *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moskva: Vostochnaya literatura RAN. 407 p. (In Russ.).
- Nastase, D. (1997). Zаметki ob imperskoy idee na Rusi do 1453 g. [Notes on the imperial idea in Russia before 1453]. In: *Rim, Konstantinopol, Moskva: sravnitelno-istoricheskoye issledovaniye tsentrov ideologii i kultury do XVII v.* [Rome, Constantinople, Moscow: a comparative historical study of the centers of ideology and culture before the 17th century]. Moskva: IRI. 252—265. (In Russ.).
- Nazarenko, A. V. (2001). *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh* [Ancient Russia on international routes]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 780 p. (In Russ.).
- Nazarenko, A. V. (2013). «Slovo na obnovleniye desyatinnoy tserkvi», ili k istorii pochitaniya svyatitelya Klimenta Rimskogo v Drevney Rusi [«A word on the renewal of the tithe church», or to the history of the veneration of St. Clement of Rome in Ancient Russia]. Moskva-Bryussel. 224 p. (In Russ.).
- Nora, P. (1999). *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 325 p. (In Russ.).
- Pashuto, V. T. (2019). *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign policy of Ancient Russia]. Moskva: Kvadriga. 496 p. (In Russ.).
- Pollard, A. F. (1920). Historical Criticism. *History. The Journal of the Historical Association*, 5/17 (April): 21—29.
- Raffensperger, C. (2012). *Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World*. Cambridge, Mas., London: Harvard University Studies. 329 p.

- Raffensperger, C. (2017). *The Kingdom of Rus'*. Amsterdam: ARC humanities press. 92 p.
- Rybakov, B. A. (1982). *Drevnyaya Rus' i russkiye knyazhestva XII—XIII vv.* [Ancient Russia and Russian principalities of the XII—XIII centuries]. Moskva: Nauka. 590 p. (In Russ.).
- Sakharov, A. N. (2014). Osnovnyye etapy vneshney politiki Rusi s drevneyshikh vremen do XV veka [The main stages of the foreign policy of Russia from ancient times to the 15th century]. In: *Istoriya vneshney politiki Rossii: konets XV—XVII vek* [History of Russian foreign policy: late 15th—17th century]. Moskva: Direkt-Media. 99 p. (In Russ.).
- Shchhavelev, A. S. (2012). «Dolgiy XII vek» Drevney Rusi [«Long XII century» of Ancient Russia]. *Istoriya* [History], 2 (10): 10—11. (In Russ.).
- Sverdlov, M. B. (2013). Imperskiye ambitsii rannesrednevekovykh gosudarstv (Polsha i Rus' v X—XI vv.) [Imperial ambitions of early medieval states (Poland and Russia in the X—XI centuries)]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Research], 2 (11): 16—20. (In Russ.).
- Tatishchev, V. N. (1963). *Istoriya Rossiyskaya* [Russian history], 2. Moskva-Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 354 p. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *Svyatost' i svyatyye v russkoy dukhovnoy kulture* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture]. Moskva: Gnozis. 874 p. (In Russ.).
- Toynbee, A. J. (1953). Russia's Byzantine Heritage. In: *Civilization on Trial*. New York: Oxford University Press. 164—183.
- Tsuranovich, A. (2015). Tyazheloye bremya «sindroma izmeny»: faktor vospriyatiya v polsko-rossiyskikh otnosheniyakh posle 1991 g. [The Heavy Burden of Cheating Syndrome: A Perceptual Factor in Polish-Russian Relations After 1991]. In: *Rossiya i Polsha. Istoriya obshchaya i razobshchennaya* [Russia and Poland. The story is shared and divided]. Moskva: Aspekt Press. 331—350. (In Russ.).
- Vodov, V. A. (1992). Kievskaya Rus' pered «grecheskim zakonom» i «rimskim zakonom» [Kievan Rus before the «Greek law» and «Roman law»]. In: *Obrazovaniye Drevnerusskogo gosudarstva: spornyye problem* [The formation of the Old Russian state: controversial issues]. Moskva: IRI RAN. 13—15. (In Russ.).
- Yakunin, V. I. (2011). Rossiysko-polskiye otnosheniya v treugolnike: istoriya, politika, nauka [Russian-Polish relations in a triangle: history, politics, science]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [The contours of global transformations: politics, economics, law], 6: 67—77. (In Russ.).
- Zakrzewski, S. (1925). *Boleslaw Chrobry-Wielki*. Lwow: Zaklad Narodowey umienia Ossolinskich. 439 s. (In Pol.).
- Zhivov, V. A. (2000). Osobennosti retseptsii vizantiyskoy kultury v Drevney Rusi [Features of the reception of Byzantine culture in Ancient Russia]. In: *Iz istorii russkoy kultury, 1. Drevnyaya Rus'*. [From the history of Russian culture]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 585—617. (In Russ.).